

Очевидно, что в процессе исследования соотношения объективных и субъективных регулятивов придется выделять этапы превалирования тех или других в зависимости от времени и места, показывать, как модифицировались объективные регулятивы в условиях жесткого прессинга субъективных регуляторов. Необходимо также показать, как в историческом времени объективные и субъективные регулятивы распределялись по различным уровням и историческим (региональным, временным, локальным, отраслевым, институциональным и пр.) нишам. Естественно, что в условиях серьезных исторических трансформаций возрастает роль отдельных исторических личностей, расширяется пространство взаимодействия нормы и случая (третья существенная компонента исторической реальности, на которую было обращено внимание). Без исследования подобного взаимодействия исторический опыт выглядел бы слишком нормативным и нежизненным.

**О.С. Поршнева
Екатеринбург**

КУЛЬТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ

Изучение человека как продукта определенной культуры невозможно без привлечения теории и методики исследования символических систем, имеющихся в арсенале семиотики. Семиотика выступает прежде всего в качестве метода анализа культурного контекста человеческого существования, позволяющего за непосредственным впечатлением от знака разглядеть более широкие значения и социальные функции знаковых систем¹²²⁷.

Возможности использования семиотики в исторических исследованиях определяются тем, что знаки выполняют роль символов, в которых кодируется информация о мироустройстве в его человеческом восприятии. Благодаря существованию знаковых систем осуществляется трансляция культурного опыта, социальное и культурное взаимодействие в обществе. Культурные значения могут выражаться как с помощью вербальных символов, так и посредством материальных и поведенческих. Первые представляют собой главное средство формирования культурных смыслов и значений, вторые (например, стили одежды), применяясь в человеческой коммуникации, также могут генерировать смыслы.

Символы, как отмечал глава московско-тартуской семиотической школы Ю.М. Лотман, представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума¹²²⁸. Он подчеркивал, что стержневая группа символов любой культуры имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива¹²²⁹. Сохраняя смысловую и структурную самостоятельность, символ пронзает синхронный срез культуры по вертикали, приходя из прошлого и уходя в будущее. Константные наборы символов выполняют тем самым функцию механизмов единства культуры. В то же время природа символа двойственна: с одной стороны, он инвариантен, с другой – активно коррелирует с культурным контекстом, трансформируется под его влиянием и сам его трансформирует¹²³⁰. Именно в тех изменениях, которым подвергается

¹²²⁷ Смирнова Е.Р., Шапкина Н.В. Человек в контексте культуры. Введение в социокультурную антропологию. Учебное пособие для студентов гуманитарных специальностей. Саратов, 1997. С. 23.

¹²²⁸ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Тарту, 1987. Вып. XXI. С. 12.

¹²²⁹ Лотман Ю.М. Символ в системе культуры // Символ в системе культуры. Труды по знаковым системам. Вып. XXI. С. 11.

¹²³⁰ Там же. С. 12.

«вечный» смысл символа в данном культурном контексте, контекст этот ярче всего выявляет свою изменчивость¹²³¹.

Ключевым в семиотическом анализе знаковых систем является представление о несопадении «плана выражения» и «плана содержания» символа или, по терминологии выдающегося семиолога Р. Барта, «означающего» (слово, предмет, изображение и т.д.) и «означаемого» (мыслительная концепция, содержащаяся в означающем), или «денотативных знаков» и «коннотативных смыслов»¹²³². Знак выступает как связь между означающим и означаемым. Связь между означаемым и означающим может быть прямой. В других случаях то, что означается посредством означающего, есть во многом вопрос социального договора (как, например, значения слов в языке). Существует разноразовная связь означающего с различными означаемыми. Р. Барт выделил два способа действия знаков. Во-первых, в мифах знаки символизируют целый спектр культурных ценностей. Во-вторых, знаки не только связывают образ объекта с понятием. Они также вызывают в нас различные чувства. Знаки могут не просто указывать на что-либо конкретное, они еще и влекут дополнительное значение¹²³³. Знаки могут быть организованы в коды. Культурные соглашения (договоры) определяют, как конструируются коды, какие знаки могут осмысленно употребляться в связи друг с другом¹²³⁴. Таким образом, смысловое содержание символа как правило богаче и шире его конкретной реализации, которая лишь «намекает» на содержание. Задача историка – выявить актуализированный латентный смысл и значение культурных символов той или иной эпохи, общества или социального слоя путем анализа породившего их социокультурного контекста.

Ю.М. Лотман дает ключ к изучению семиотики истории, рассматривая текст исторического источника как зашифрованное описание, требующее реконструкции набора кодов, которыми пользовался создатель текста, и установления их корреляции с кодами, которыми пользуется исследователь¹²³⁵. Семиотика истории предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника¹²³⁶.

Б.А. Успенский обращает внимание на то, что «культурно-семиотический подход к истории предполагает апелляцию к внутренней точке зрения самих участников исторического процесса: значимым представляется то, что является значимым с их точки зрения»¹²³⁷. Необходимо реконструировать субъективные мотивы, являющиеся импульсом для тех или иных действий исторических персонажей, что, в свою очередь, предполагает воссоздание системы представлений, обуславливающих как восприятие тех или иных событий, так и реакцию на эти события. Тем самым история представляется семиотикой как процесс коммуникации. В ходе ее изучения они прибегают к семиозису (превращению незнаковой истории в знаковую)¹²³⁸.

Возможности культурно-семиотического подхода в изучении человека в истории блестяще продемонстрированы в работах отечественных и зарубежных исследователей. Алгоритм применения метода можно проиллюстрировать на примере работы Ю.М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»¹²³⁹. Ю.М. Лотман выходит за рамки

¹²³¹ Там же.

¹²³² См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 16–17, 79.

¹²³³ Там же.

¹²³⁴ Смирнова Е.Р., Шапкина Н.В. Указ. соч. С. 22.

¹²³⁵ Лотман Ю.М. Проблема исторического факта // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1999. С. 302.

¹²³⁶ Филишкин А.И. Методологические инновации в современной российской исторической науке // АСТНО NOVA, 2000. С. 26.

¹²³⁷ Успенский Б.А. История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема) // Успенский Б.А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1. С. 11.

¹²³⁸ Филишкин А.И. Указ. соч. С. 27.

¹²³⁹ Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX в.). СПб., 1994. С. 331–384.

традиционной проблематики гуманитарных наук в исследовании декабризма уже в постановке задачи: рассмотреть основные признаки повседневного, бытового поведения декабристов как деятельности по созданию *особого типа русского человека* (курсив Ю.М. Лотмана), по своему поведению резко отличающегося от того, что знала вся предшествующая русская история. Как мы видим, уже в постановке задачи автор формулирует гипотезу, на проверку которой направлено исследование. Анализируя на базе привлечения исторических и литературных источников проявления бытового поведения декабристов в сравнении с поведением других категорий дворянского общества¹²⁴⁰, Ю.М. Лотман выделяет такие его черты как стилевое единство, сознательное нарушение светских норм и условностей, выступление речевого поведения в качестве главной формы действия, «литературность» и «театральность», т.е. стремление все поступки рассматривать как знаковые. Закономерно встает вопрос: чем это было обусловлено? Без ответа на него нельзя понять общий смысл и значение поведенческой жизненной стратегии декабристов во всех ее проявлениях. С этой целью Ю.М. Лотман анализирует психологические характеристики дворянских революционеров в контексте их деятельности, общей историко-культурной ситуации эпохи, приходя к выводу, что они воспринимали себя в качестве исторических лиц, великих людей. «Осознание себя как исторического лица заставляло оценивать свою жизнь как *цепь сюжетов для будущих историков* (курсив наш – О.П.), а вслед за ними – поэтов, художников, драматургов. С этой позиции в оценку собственной реальной жизни невольно вмешивался взгляд со стороны – с точки зрения потомства. Потомок – зритель и судья того, что великие люди *разыгрывают на арене истории*. И декабрист всегда ощущает себя на высокой исторической сцене»¹²⁴¹.

Рассмотрение поведения декабристов как текста позволило Ю.М. Лотману выявить особенности взаимодействия и значения его основных элементов как имеющих смысл в рамках определенной иерархии с точки зрения общей жизненной стратегии. Так, «литературность» и «театральность», вытекающая из базовой жизненной установки декабристов, приводила к перемещению привычных смысловых связей. «В обычной жизни, – отмечает Ю.М. Лотман, – слово вызывает поступок: сказанное словами получает реальное завершение в действии. В жизненном поведении декабриста, как на сцене, порядок оказывается противоположным: поступок как практическое действие увенчивался Словом – его итогом, оценкой, раскрытием его символического смысла. То что сделано, но осталось не названным в теоретической декламации, в записи историка или в каком-либо еще тексте, – пропало для памяти потомства и *как бы не существует*. В жизни слово существует, если влечет за собой действие, – в воззрениях декабриста поступок существует, если увенчивается Словом». Кроме того, слово декабриста – всегда слово, гласно сказанное, публичное. Для декабриста было характерно особое внимание к слову, жесту, поведению в целом. Поскольку бытовое поведение не могло быть предметом для прямых политических обвинений, его не прятали, а наоборот – подчеркивали, превращая в некоторый опознавательный знак. Эти особенности речевого поведения ставили декабристов в сложное, противоречивое отношение к проблеме конспирации»¹²⁴².

Исследуя проявления поведения декабристов, Ю.М. Лотман приходит к выводу, что его элементы образовывали иерархию: жест – поступок – текст. Последний, – отмечает автор, – «следует понимать как законченную цепь осмысленных поступков, заключенную между намерением и результатом»¹²⁴³. Выявив феномен влияния

¹²⁴⁰ Реакционеров, «гасильников», по выражению Н. Тургенева, – врагов общественного просвещения, либеральных и образованных дворян: см.: там же. С.332.

¹²⁴¹ Там же. С. 338.

¹²⁴² Там же.

¹²⁴³ Там же. С. 343.

художественной литературы, прежде всего романтизма, на формирование и распространение культурных образцов и моделей поведения части образованного дворянства. Ю.М. Лотман показывает значение литературных сюжетов как *кодов* (курсив наш – О.П.), позволяющих проникнуть в скрытый смысл реального поведения человека декабристского круга, которое иначе предстает как некоторый зашифрованный текст. «Подобно тому, как жест и поступок дворянского революционера получали для него и окружающих смысл, поскольку имели своим значением *слово*, любая цепь поступков становилась текстом (приобретала значение), если ее можно было прояснить связью с определенным *литературным сюжетом*. Гибель Цезаря и подвиг Катона, пророк, обличающий и проповедующий, Тиртей, Оссиан или Баян, поющие перед воинами накануне битвы... Гектор, уходящий на бой и прощающийся с Андромахой, – таковы были сюжеты, которые придавали смысл той или иной цепочке бытовых поступков. Такой подход подразумевал «укрупнение» всего поведения, распределение между реальными знакомыми типовых литературных масок, идеализацию места и пространства действия (реальное пространство осмыслялось через литературное)»¹²⁴⁴. Автор убедительно аргументирует на основе обширного исторического материала тезис о том, что в жизненной ситуации становилось значимым (и, следовательно, заметным для участников) то, что могло быть отнесено к литературному сюжету¹²⁴⁵. Ю.М. Лотман показывает, что знаковое поведение декабристов было их осознанным выбором, формой свободной активности. Проведенное исследование позволяет ему подтвердить предварительную гипотезу о наличии особого бытового поведения декабристов: «Декабристы строили из бессознательной стихии бытового поведения русского дворянина рубежа XVIII–XIX веков сознательную систему идеологически значимого бытового поведения, законченного как текст и проникнутого высшим смыслом»¹²⁴⁶.

Семиотический подход к анализу культуры предложен также американским антропологом К. Гирцем на основе метода «плотного описания», который приобретает все больше последователей в гуманитарных дисциплинах. Его актуальность определяется тем, что историк, изучающий прошлое, а тем более другую культуру, равно как и этнограф, не знаком (или не вполне знаком) с тем воображаемым миром, внутри которого действия людей являются знаками. К. Гирц так определяет роль культуры в понимании общественных процессов: «Как взаимодействующие системы создаваемых знаков... культура не есть сила, которой могут быть произвольно приписаны явления общественной жизни, поведение индивидов, институты и процессы, она – контекст, внутри которого они могут быть адекватно, т.е. «насыщенно» описаны»¹²⁴⁷. Задача, которую выдвигает К. Гирц перед исследователями культуры – «посмотреть на вещи с точки зрения действующего лица»¹²⁴⁸, т.е. воссоздать представления носителей изучаемой культуры в ее собственных терминах, понять, что вкладывали люди в те или иные конструкции и формулы, в которые сами себя мысленно помещали и в которых сами себя описывали.

Практически одновременная разработка семиотического подхода к анализу культуры в 1970-е гг. на Западе, в трудах К. Гирца, и в российской науке (еще в советский период), в работах Ю. Лотмана и других представителей московско-тартуской семиотической школы, несмотря на существенные различия двух научных традиций, была выражением общих тенденций, конвергенции и дивергенции в развитии национальных научных школ¹²⁴⁹.

¹²⁴⁴ Там же.

¹²⁴⁵ Там же. С. 343–355.

¹²⁴⁶ Там же. С. 381.

¹²⁴⁷ Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Том 1. Интерпретация культуры. СПб., 1997. С. 183.

¹²⁴⁸ Там же.

¹²⁴⁹ Zorin A. Ideology, semiotics, and Clifford Geertz: some Russian reflections// History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Volume 40. 2001. № 1. P. 57–73.

Семиотический подход к анализу культуры, выработанный структурализмом, и интерпретационные модели ее исследования, базирующиеся на достижениях герменевтики и постструктурализма (в частности, концепция К. Гирца), различаются в своих эпистемологических основах. Как подчеркивает А. Зорин, антиструктуралистская ориентация «Интерпретации культур» К. Гирца не просто прозрачна, но ясно постулирована. В своих попытках преодолеть структурализм К. Гирц обращается к категориальному аппарату герменевтики – подходу к анализу культуры, использующему понятия «семиотический» и «интерпретативный»¹²⁵⁰.

Характерно, что эволюция структуралистского семиотического подхода к исследованию культуры в творчестве одного из наиболее выдающихся его представителей, Ю.М. Лотмана, показывает изменение понимания им текста и его функций в условиях новой эпистемологической ситуации в развитии гуманитарного знания, сложившейся в последнее десятилетие XX века. В своих последних работах ученый обосновывал представление об активности и субъективности текста, вступающего во множественные отношения с различными контекстами и порождающего тем самым различные смыслы и толкования. Так, он отмечал: «Такое «перекодирование самого себя» в соответствии с ситуацией обнажает аналогию между знаковым поведением личности и текста. Таким образом, текст, с одной стороны, уподобляясь культурному макрокосму, становится значительнее самого себя и приобретает черты модели культуры, а с другой, он имеет тенденцию осуществлять самостоятельное поведение, уподобляясь автономной личности (курсив мой – О.П.)... Процесс дешифровки текста чрезвычайно усложняется, теряет свой однократный и конечный характер, приближаясь к знакомым нам актам семиотического общения человека с другой автономной личностью»¹²⁵¹.

Несмотря на неоднозначное отношение историков к проблеме междисциплинарных заимствований и методологии исследования культуры, основанной на ее «текстуализации», историк может при соблюдении определенных условий плодотворно использовать методы семиотики в изучении историко-культурных явлений прошлого. Как отмечает Б.Г. Могильницкий, главным условием использования историками концепций и методов других дисциплин является обеспечение ведущей роли методологии исторической науки в постановке исследовательских задач и определении направления их решения¹²⁵². Необходимо четко осознавать не только возможности, но и пределы и ограничения в использовании теорий и методик смежных дисциплин в историческом исследовании. В каждом конкретном случае историк должен ясно определить, исходя из целей своего труда, какие концепции, термины и методы он заимствует из смежных областей социального и гуманитарного знания. Задача ученого – выбрать те концептуальные основания и базирующиеся на них методы, которые в наибольшей степени соответствуют природе изучаемых феноменов, познавательным задачам и источниковой базе исследования.

Т.И. Пронько, М.А. Коровкина
Екатеринбург

ПАРАДИГМЫ XX – XXI века: НТР, ЦИВИЛИЗАЦИЯ, КУЛЬТУРА

Двадцатое столетие ознаменовано грандиозным событием: выходом человека в космос. То о чем мечтали русские космонавты – стало явью. За всю историю развития

¹²⁵⁰ Zorin A. Ideology, semiotics, and Clifford Geertz: some Russian reflections// History and Theory. Studies in the Philosophy of History. Volume 40. 2001. № 1. P. 57-73.

¹²⁵¹ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 89-90.

¹²⁵² Могильницкий Б.Г. История на переломе: некоторые тенденции развития современной исторической мысли // Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований. М., 2004. С. 13-14.